

Евгений Деменок

Одиссея моей семьи

Когда многочисленные иногородние друзья просят меня рассказать им о настоящей Одессе, я обязательно говорю:

– Я родился в типично одесской семье. Я на четверть еврей, на четверть поляк (тут я немного лукавлю), на четверть русский и на четверть украинец. Мой папа живет в Нью-Йорке, двоюродный брат в Чикаго, а тетя – в Нюрнберге.

В разговорах между собой мы часто ругаем свой город и власти. В разговорах с гостями мы так расхваливаем Одессу, что иногда накатывает слеза умиления и ностальгии.

Мы уверены, что все великие люди мира если и не родились в Одессе, по крайней мере у нас жили или бывали, или мечтали об этом.

А еще мы уверены, что все дороги ведут в Одессу. Так случилось и с моей семьей.

Мне кажется, этого вполне достаточно, для того чтобы понять, кто такие настоящие одесситы и что такое Одесса.

* * *

«Одесский листок», 26 февраля (10 марта) 1883 года

Крейсер «Петербург» вышел из Марсели в прошлую субботу и на этих днях ожидается в Одессу. Немедленно по приходу сюда «Петербург» начнет готовиться к отходу со второй партией переселенцев, которая должна прибыть через несколько дней. Рассчитывают, что к 10 марта «Петербург» успеет принять груз и переселенцев и отойти из Одессы.

* * *

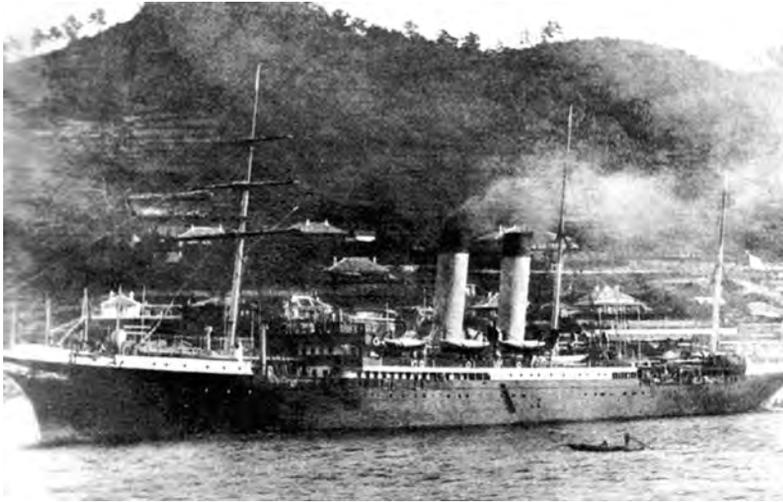
Я всегда думал, что одесская история нашей семьи началась весной 1944-го, когда дедушка Соломон, военный врач, вместе с первыми советскими войсками вошел в освобожденный город и остался тут вместе со своей частью. Позже к нему приехала бабушка Таня, остававшаяся вместе с трехлетней дочерью – моей тетей Людой – в эвакуации в Баку, в городе, немного похожем на Одессу. Именно в Баку бабушка и дедушка, студенты медицинского института, встретили друг друга. В Баку в августе 1941-го родилась моя тетя, а папа родился уже в Одессе – в сентябре 1945-го. Так что я горжусь своим званием одессита во втором поколении.

В Одессу дедушка Соломон прибыл в чине капитана, получив сразу после окончания войны майора. Карьера его в Одессе сложилась успешно, и это неудивительно, учитывая его, выражаясь казенным языком, «профессиональные и личностные характеристики», за исключением одного маленького эпизода, когда всю семью весной 1953 года чуть было не выслали на Курильские острова – конечно же, по делу врачей. А за два года до этого дедушку перевели в Котовск – человеку с фамилией Штейн было тогда неприлично работать военным врачом в Одессе. Счастливую точку во всей этой истории совершенно неожиданно для себя поставил мой папа, которому было тогда восемь лет. Перед отъездом на Курилы всем членам семьи нужно было пройти медицинское обследование, которое должно было подтвердить, что дальневосточный климат не будет для них пагубным. У папы очень кстати выявили вдруг простуду – причем такую, которая ну никак не позволяла уехать из наших благодатных южных краев. Учитывая, что в те годы «решить вопрос» с врачами в сегодняшнем понимании было категорически невозможно, случившееся можно считать чудом, произошедшим на фоне ослабления «еврейского вопроса» после недавней смерти Сталина.

* * *

«Одесский листок», 1 (13) марта 1883 года

Прибытие крейсера «Петербург». В воскресенье утром в Одес-

Пароход «Петербург»

су прибыл из Марсея крейсер Добровольного флота «Петербург», совершивший переход из Константинополя до Одессы в 20 часов и делавший по 14,7 узлов в час. Из Константинополя крейсер вышел 26 февраля в 9½ часов утра, а в Одессу прибыл 27 февраля в 5½ часов утра, причем по случаю сильного тумана «Петербург» сделал большой круг, пройдя дальше Дофиновки. Со вчерашнего дня «Петербург» стал готовиться к отходу с переселенцами, которые на днях должны прибыть в Одессу.

* * *

День смерти Сталина мои родители помнят до сих пор – столько плачущих одновременно людей им, видимо, больше не довелось увидеть. Папа помнит, как специально выделенный взрослый проводил его из школы домой, на Чичерина, 7. Папину мужскую 39-ю школу объединили потом с женской школой, что на Маразлиевской между Базарной и Успенской. Тогда она располагалась на Энгельса, между Кирова и Чичерина.

Я, кстати, и сам много лет не мог привыкнуть к «новым» старым названиям улиц.

* * *

«Одесский листок», 4 (16) марта 1883 года

Отход из Одессы пароходов на Дальний Восток. Как мы уже сообщали, 8 марта из Одессы отходит крейсер «Кострома», на котором отправляется 60.000 пуд. переселенского груза и семейства ссыльно-каторжных, добровольно следующие на Сахалин. 10 марта отойдет крейсер «Петербург» со второй партией переселенцев и частным грузом; все приспособления для помещения переселенцев уже окончены... Таким образом, в нынешнем году из Одессы отходит на Дальний Восток семь пароходов, чего прежде еще не бывало.

* * *

«Еврейский вопрос» сопровождал нашу семью всю «советскую» жизнь. Даже в нашем городе было не так много военных врачей с «пятой графой». А ведь дедушка был не просто врачом – в шестидесятых он стал заведующим рентгенологическим отделением нашего 411 военного госпиталя, а потом и главным рентгенологом Одесского военного округа. И на ежегодных встречах главных рентгенологов военных округов, проходивших обычно в столицах советских республик – а было их, рентгенологов то бишь, на всю страну человек восемнадцать, – он со своей типично сефардской внешностью вызывал, конечно же, повышенный интерес и внимание. А если еще учесть, что выпивать он не любил и спиртное переносил с трудом... В общем, выход был один – юморить. И дедушка возил с собой маленькую, совсем маленькую книжечку, в которой было записано множество анекдотов. Причем записаны они были в сокращенном виде, вот так, например: «П. ск. В.И. – и. в ж.!» Умеющий думать да поймет.

Дедушка руководил рентгенотделением госпиталя до 1973 года, потом демобилизовался и ушел работать «на гражданку» – в 10-ю горбольницу. Конечно же, рентгенологом. И даже через много лет после смерти дедушки, когда родители приводили меня на обследование в 10-ю больницу, двери кабинетов раскрывались перед нами без очереди – дедушку Соломона любили и помнили.

* * *

«Одесский листок», 8 (20) марта 1883 года

Прибытие второй партии переселенцев. В воскресенье в 11 час. 20 мин. с поездом железной дороги прибыла вторая партия переселенцев в числе 735 душ. После прихода поезда на вокзал приехали г. управляющий канцелярией г. генерал-губернатора д. с. с. А.А. Корнилов и г. полицмейстер Я.И. Бунин. На вокзале все переселенцы были подвергнуты врачебному осмотру, причем все оказались здоровыми. С вокзала переселенцы были отправлены для размещения в полицейские участки и казармы. Завтра переселенцы будут посажены на крейсер «Петербург», где в 2 часа назначено напутственное молебствие, а послезавтра, 10 марта, крейсер отойдет из Одессы в дальний вояж.

* * *

Вообще, по папиной части корни у меня удивительные. Прапрадедушка Исай, живший в Белоруссии и бывший вполне земным человеком и зажиточным мельником, родил прадедушку Леву – непутевого бродягу, жившего зачастую случайными заработками и кочевавшего по всей черте оседлости, а после революции – и за ее пределами. Прабабушка Софья любила и его и терпела, а география их перемещений видна в дедушкиных анкетах и автобиографиях – Украина, Ташкент, Казань, Ленинград... Дедушку они родили в Алчевске и в конце концов осели в Баку, на родине прабабушки. По бабушкиной линии все еще интереснее – бабушка происходила из польского княжеского рода Квятковских, сосланных в Сибирь в 1830-м после первого восстания польской шляхты. Из троих братьев Квятковских двое потом вернулись в Польшу, а третий перебрался в Томск, где стал золотопромышленником. Его сын, Александр Квятковский, мой двоюродный прапрадедушка, после раскола партии «Земля и воля», состоявшегося при его активном участии, стал одним из основателей секретной террористической группы «Свобода или смерть», а затем и «Народной воли», войдя в ее исполнительный комитет. За участие в подготовке двух покушений на императора Александра II он был приговорен к повешению в Петропавловской крепости вместе с другими четырьмя активными участниками знаменитого «Дела шестнадцати». Несмотря

на ожидаемый приговор, мой прапрадедушка выступил на процессе с программной революционной речью. Александр помиловал трех из пяти приговоренных, и 4 ноября 1880 года в 8 часов 10 минут утра в Иоанновском рavelине Петропавловской крепости повешены были только двое: социалисты-революционеры Александр Александрович Квятковский и Андрей Корнеевич Пресняков.

Эта казнь не остановила других Квятковских – революционной деятельностью продолжили заниматься сестра Александра Юлия и брат Тимофей, а потом и сын – тоже Александр Александрович. «Мой милый, дорогой мальчик, целую тебя тысячу раз. Не могу сказать тебе – старайся походить на меня. Но скажу тебе: уважай то, что я уважал, и люби то, что я любил. Это тебе мое отцовское завещание. Мать тебе объяснит это», – писал Александр Квятковский в предсмертной записке своему сыну. Сын сделал все, чтобы походить на отца. Он стал участником первой русской революции, искровцем, входил от большевиков в состав ЦК РСДРП, был близким товарищем Красина и Рыкова, тесно общался с Лениным и возглавлял в начале 20-х в Англии крупную советскую внешнеторговую компанию «Arcos Ltd.», имевшую даже свой собственный банк.

В середине 60-х папа со своим двоюродным братом Вячеславом Квятковским, гуляя по Питеру, зашли в Петропавловскую крепость и решили разыграть директора музея, рассказав о том, что они по поручению бабушки пришли узнать, почему в крепости до сих пор не установлен памятник их легендарному родственнику. Узнав фамилию родственника, директор начал так усердно оправдываться перед юношами за это недоразумение, возникшее по причине недостаточного финансирования музея, что им стало совершенно неловко.

Прямые мои предки по папиной линии политической деятельности предпочли научную. Прадедушка Михаил Тихонович, чей отец был еще одним из братьев знаменитого народовольца, был профессором математики и заслуженным гидрометеорологом СССР. Дедушка Женя стал выдающимся геохимиком, профессором, заведующим кафедрой в Ленинградском горном институте, воспитавшим сотни учеников; а дедушка Волик, он же Всеволод Михайлович, был доцентом кафедры электротехники того же ЛГИ. Интересно, что родившийся до революции дядя Волик (так называет его папа, так привык называть и я) был записан в родословную книгу как потомственный дворянин.

* * *

«Одесский листок», 11 (23) марта 1883 года

Напутственное молебствие на крейсере «Петербург». Вчера в 2 часа дня на крейсере Добровольного флота «Петербург» преосвященным епископом Неофитом было отслужено напутственное молебствие для переселенцев, отправляющихся в Южно-Уссурийский край. На молебствии присутствовали его высокопревосходительство г-н одесский генерал-губернатор ген.-ад. И.В. Гурко, управляющий канцелярией генерал-губернатора д. с. с. А.А. Корнилов, инспектор Добровольного флота М.В. Вахтин и др. лица. Крейсер отошел в начале пятого при весьма пасмурной погоде и густых хлопьях снега. Всех переселенцев 806. Сопровождает их чиновник мин. внутр. дел г. Плеске, который по приезде на место назначения (во Владивосток) займет там должность секретаря переселенческой конторы.

* * *

После окончания восьми классов папа пошел работать слесарем в ОТТУ – Одесское трамвайно-троллейбусное управление, а по вечерам учился в школе рабочей молодежи. Дедушка с бабушкой перестраховывались – поступить в институт сразу после школы парню с такой фамилией было в те годы непросто. Совсем непросто. Прошло почти восемьдесят лет с тех пор, как в российских учебных заведениях была принята так называемая «процентная норма» для учащихся-евреев, и все почти вернулось на круги своя. Интересно, что процентная норма началась именно с Одессы – после прошедших в конце 1880 года в некоторых гимназиях беспорядков попечитель Одесского учебного округа Н.А. Лавровский предложил Александру II ограничить прием евреев в средние учебные заведения нормой в 10 процентов. Спустя три года одесский генерал-губернатор Иосиф Владимирович Гурко в своем докладе уже Александру III смягчил предложение Лавровского – он говорил уже о 15 процентах, или проценте, равном отношению количества местного еврейского населения к общему количеству населения данной местности. Что для Одессы, собственно, означало почти треть учебных мест.

Папа в конце концов поступил на радиотехнический факультет политехнического института. Факультет был тогда на пике моды.

* * *

Телеграмма из Одессы в Иркутск, генерал-губернатору, от 10 марта 1883 года

«794 переселенца и двенадцать ходоков отправились сегодня на пароходе «Петербург».

Подписал: генерал-адъютант Гурко.

* * *

Почти до самого окончания политеха в 1966 году папина семья – дедушка, бабушка, папа с сестрой и даже прабабушка Катя, окончившая когда-то Смольный, – жили в легендарном доме № 7 на Чичерина. В фасадной части дома жили шесть профессорских семей. С главами двух из них – ректором сельхоза Мельником и профессором Добролюбским – дедушка Соломон крепко дружил. С Добролюбским их свела общая страсть к книгам. А еще в этом доме жила – собственно, и сейчас живет – легендарная Кира Муратова. Папа вспоминает ее как довольно сварливую барышню – еще бы, ведь они, забираясь на крышу готовиться к экзаменам или любоваться Одесским заливом, грохотали прямо у нее над головой.

* * *

Несколько лет мы с родителями жили на Черемушках, в дедушкиной с бабушкой квартире, в которую они переехали уже в середине семидесятых. Самый большой интерес для меня там представляла дедушкина огромная библиотека – он был заядлым библиофилом и покупал, кажется, все выходявшие в те годы собрания сочинений. Мне довелось даже составить полный каталог этой библиотеки – на это ушло больше месяца. Книги в глубоких шкафах стояли в три, а иногда и в четыре ряда, и каждый раз для меня открывались все новые и новые сокровища. Вы же знаете, каково это – разбирать книги. Неизбежно начинаешь их пролистывать, потом читать... И только огромным усилием воли я возвращал себя к рутинному процессу переписи.

* * *

Дома у дедушки Миши – а в его с бабушкой Тоней доме я и вырос – книг было гораздо меньше. Благодаря этому я и сейчас помню почти все их названия наизусть. Зато на книжных полках было множество тех милых вещиц, которые как раз больше всего и запоминаются ребенку, поражая его воображение. Игрушечная карета с желтыми шторками и встроенной внутрь лампочкой, которая так загадочно светилась по вечерам. Фарфоровые олени, которым бабушка говорила время от времени: «Олени, олени, покатайте Женю». Веселые маленькие клоуны – солонка и перечница. Наводившая на меня ужас маленькая фаянсовая голова мужчины с длинным-длинным носом... Мужчина этот как-то особенно улыбался – загадочно и нехорошо. Голову вставляли в открытую бутылку, и из носа в бокалы лилось вино или – для меня – лимонад. А еще – непонятная черная керамическая то ли свистулька, то ли обломок подсвечника... «Дедуля, а что это такое?» – спросил я однажды, долго рассматривая эту штуковину под разными углами. «Это чубук», – ответил дедушка. О том, что такое чубук и как он попал в наш дом, я узнал гораздо позже.

* * *

«Одесский листок», 18 (30) марта 1883 года

Крейсер «Петербург» благополучно прибыл 16 марта в Порт-Саид; переселенцы и команда здоровы. На крейсере отправились 521 человек взрослых, 150 от 4 до 10 лет, 71 от 2 до 4, 42 моложе 2-х лет и 22 грудных.

* * *

О том, что дедушка Миша родом с Дальнего Востока, я знал с раннего детства. Он часто рассказывал мне о своей семье, жившей в селе с таким непривычным нашему уху названием Майхэ; о братьях и сестрах, которых у него было множество – дедушка был младшим, четырнадцатым ребенком в семье. Из его рассказов Приморский край представлялся мне диковинной благодатной землей, прародиной всех Деменков. Там среди сопек текли полноводные реки, изобиловавшие рыбой, земля давала небывалый

урожай, в уссурийской тайге водились медведи и тигры и росли диковинные растения с необычными свойствами. И действительно – попробовав впервые настойку лимонника, присланную нам родственниками из Владивостока, я ощутил себя атлантом, способным не только держать на себе земной шар, но еще и играть им в футбол. А еще наша прародина была просто-таки переполнена красной икрой. Да-да, ее тоже присылали нам время от времени далекие родственники.

Дедушка научил меня считать до десяти по-корейски. Встретившись много позже с профессором из Сеула, я продемонстрировал ему свои умения. «Действительно, так считают на севере», – сказал мне профессор.

* * *

Томск стал первым пересечением – в пространстве, не во времени – моих корней, моих источников. Семнадцатилетний дедушка Миша поступил в Томское артиллерийское училище. Как жаль, что я не записывал его рассказы... Только недавно я понял, что участвовать в настоящей войне ему пришлось уже в девятнадцать – на Халхин-Голе, во время военной операции против японцев. Медаль «30 лет Халхин-Гольской победы» я помню с детства, а вот соотнести дедушкин возраст и время этой локальной войны догадался только сейчас...

Дедушка стал кадровым военным. Прошел войну от первого до последнего дня, начав ее под Брестом и закончив в Кенигсберге. Оборонял Ленинград, воевал на Невской Дубровке. Во время обороны Ленинграда познакомился с бабушкой Тоней, служившей связисткой. Бабушка родом из-под Ораниенбаума, в ней смешана русская и карело-финская кровь. В детстве говорила со своей мамой, моей прабабушкой Федосьей Матвеевной, на финском. Прабабушка Феня родила бабушку Тоню в сорок восемь лет. Это был ее первый и единственный ребенок. Я до сих пор поражаюсь, как такое могло произойти, хотя десятки раз изучал бабушкины документы...

Увы, считать до десяти на финском бабушка меня не научила. Хотя – еще не поздно.

* * *

Карьера военного в советское время означала постоянные переезды. Мама, родившаяся незадолго до конца войны в Сибири, куда дедушка отправил бабушку – подальше от фронта, – в детстве сменила восемь школ. Дедушку переводили из части в часть почти каждый год. Цюрупинск, Симферополь, Потсдам, Ананьев, Николаев, Ленинград, Рауховка под Одессой и, наконец, Одесса. В Одессу первой приехала мама – в 1962 году, заканчивать школу. Бабушка с дедушкой перебрались в 1965 году – дедушка преподавал в Одесском общевоинском командном училище.

Так встретились во времени и пространстве две ветви моей семьи.

С раннего детства я каждое лето путешествовал вместе с бабушкой и дедушкой. Самой первой поездкой как раз и был Ленинград – мне было тогда шесть. Потом – новые города. Рига, Минск, Тбилиси, Киев, Москва, Ереван... И – предвкушение главной поездки. На родину дедушки. На Дальний Восток. Когда мы поехали туда, мне было уже пятнадцать.

* * *

Село Штыково (Майхэ), расположенное в живописной долине реки Артемовки (Майхэ), основано 13 апреля 1883 года переселенцами из Полесских сел Черниговской губернии. Это были георгиевские кавалеры русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

* * *

Именно в Майхэ мы и приехали. Жили у дедушкиного брата Степана, в том самом родительском вросшем в землю и пропахшем сыростью доме, в котором дедушка вырос и откуда уехал учиться. Там я впервые попробовал сливовую брагу, буквально свалившую меня с ног; там с огромной овчаркой, которую приручил за пару дней, гулял по окрестным лугам, распугивая доверчивых коров, а в реке оказалось настолько сильное течение, что меня, привыкшего к спокойным морским купаниям, снесло на добрых полкилометра вниз – выбраться удалось чудом.

Я привык к тому, что в Одессе мы одни. Мы – это Деменки. Фамилия настолько редкая, что у нас нет однофамильцев – только родственники. Но это в Одессе. Теперь-то я знаю, что исторически почти все Деменки – родом из бывшей Черниговской губернии. Село Деменка и сейчас существует – в Брянской области, в России. В Белоруссии есть два села Деменка – в Гомельской и Могилевской областях. Да чего уж там – село Деменка есть и около Ясной Поляны, именно в нем жил одно время Владимир Григорьевич Чертков, друг, редактор и издатель произведений Льва Николаевича Толстого. В Украине, в Полтавской области, есть село Деменки. «К селу примыкает большое болото», – пишет Википедия. Такое же болото примыкало и к селу Кожаны Суражского района Черниговской губернии, в котором жили мои предки до отъезда на Дальний Восток. Но и там от болота уйти не удалось – река Майхэ часто разливалась, смывала посевы и заболачивала землю. Мы гуляли у реки, и дедушка показывал мне старое кладбище – точнее, то, что от него осталось; Майхэ разливалась, меняла русло и смывала могилы. Мне было жутковато представлять себе плывущих вниз по реке покойников. А на новом кладбище меня поразили ряды могил и памятников с нашей фамилией. Майхэ действительно стало новым родовым гнездом Деменков.

Где-то через неделю мы уехали в Анучино, к сыну Степана, Михаилу Степановичу, о котором дедушка рассказывал мне еще дома. Дедушкин племянник работал лесником и писал книги – собственно, и сейчас пишет. Его книги – о животных, об Уссурийской тайге – даже входят в учебную программу российских школ. Михаил Степанович водил нас по тайге, показывал места, где встречал тигров, и я наконец увидел, как растет лимонник. А по вечерам он читал нам отрывки из своей будущей книги – о русских первопоселенцах в Приморском крае. Отрывки сложились потом в роман-трилогию «У залива Виктория». Тогда я впервые узнал, что вся дедушкина семья попала в Майхэ морским путем – на пароходе, вышедшем из Одессы. В последний вечер Михаил Степанович спросил у дедушки, сохранил ли тот дедов чубук.

– Конечно, – ответил дедушка и достал из кармана завернутую в платок ту самую свистульку, о которой я расспрашивал его в детстве. – Всю войну он был со мной.

* * *

Обратно мы летели самолетом – из Владивостока в Одессу. С тремя пересадками, шестнадцать часов. Времени было вполне достаточно, для того чтобы узнать у дедушки загадку чубука.

– Когда я уезжал в Томск учиться, отец подарил мне дедов чубук. Чубук этот турецкий, дед Аким привез его с русско-турецкой войны, из Болгарии. Родители дали мне его как амулет – наверное, чувствовали, что мне придется воевать. Дед Аким и его брат Михаил были георгиевскими кавалерами, воевали под началом генерала Скобелева.

Я потом часто и подолгу разглядывал чубук. Даже пытался использовать его по прямому назначению – тайком от дедушки. Он и сейчас лежит на книжной полке – только уже у меня дома.

* * *

Прошло много лет, прежде чем я начал серьезно интересоваться историей семьи. Нет, конечно же, во время поездки на Дальний Восток я даже составил семейное древо – нарисовал его в тонкой тетрадке в клетку. Где она теперь? Уезжать тогда не хотелось – открытые зеленую сопки и бухта Золотой Рог настолько поразили меня, что я даже – полшутя, полусерьезно – предложил дедушке оставить меня там, во Владивостоке. Ну правда – что может быть лучше моря? Только море и горы.

В сорок лет у мужчин случается не только кризис среднего возраста. Происходят еще и другие странные вещи. Во-первых, начинает хотеться больше отдавать, нежели брать. Во-вторых, просыпается интерес к своим корням – предкам, родным, городу, в котором родился и живешь. И вот совершенно случайно, лежа с айпадом в гостинице после напряженного командировочного дня, скользя по океану Интернета и ныряя в его глубины – недаром для поисков там используется английский глагол surf, – я вынырнул с потрясшей меня информацией. Я нашел полный список своих родных, отправившихся во Владивосток из Одессы на пароходе «Петербург» 10 марта 1883 года.

После этого на два месяца я пропал. Нет, тело мое исправно ходило на работу и делало все остальные нужные и привычные

вещи. А вот ум и воображение были там – сначала в Черниговской губернии, откуда первопоселенцы отправились в Одессу, затем с ними в сорокадневном переходе через Индийский океан и затем на новом месте, в новой жизни – в Уссурийском крае. Я прочел об этом тысячи страниц. Постараюсь уместить все на нескольких.

* * *

Газета «Владивосток», № 3 от 1 мая 1883 года

«Вопрос о содействии правительства делу населения Южно-Уссурийского края, который так долго интересовал наше общество, начал, наконец, осуществляться, решенный в благоприятном для края смысле. Первые полторы тысячи здесь.

Мысль об искусственном заселении края высказывалась еще в шестидесятых годах, скоро после подписания Пекинского договора, когда край еще имел пустынный вид и почти не имел жителей; будущность Владивостока как главного порта на берегах наших азиатских владений предугадывалась тогда же, и отсюда идея об его обеспечении заселением китайской границы выяснялась сама собой. Но затруднений всегда и во всем много, в особенности когда речь идет о столь отдаленных местах, как наше.

Прошло около двадцати лет, пока вопрос решился утвердительно, и много еще пройдет времени, пока решение правительства сделается осуществившимся фактом. Первое затруднение – выбор людей для заселения».

* * *

Действительно, территория Приморья, до революции обозначаемая географами как Южно-Уссурийский край, была включена в состав Российского государства на основе Айгуньского и Пекинского договоров (1858 и 1860 годы), которые оформили юридически раздел территорий между Россией и Китаем. Край стал частью Приморской области, в которую включено было все дальневосточное побережье Сибири – Чукотка, Камчатка, Сахалин, Нижний Амур, Охотский, Удский и Уссурийский края. Приморская область входила, в свою очередь, в состав Восточно-Сибирского,

а затем – Приамурского генерал-губернаторства. Всю эту бюрократическую цепочку легко проследить в переписке должностных лиц, руководивших тогда этим огромным краем. Уссурийский край, собственно, как и остальные дальневосточные территории, был очень слабо заселен: в 1861 году в нем проживало менее 20 тысяч человек. И все это по соседству с Китаем, который сознательно и активно заселял приграничные с Россией земли. Ничто не ново...

Что оставалось российским властям? Искать желающих переселиться и привлекать их льготами. Поначалу все шло ни шатко ни валко – переселенцы добирались в Приморье посуху. Путь этот длился около двух лет и был чрезвычайно трудным. Естественная мысль – перевозить первопроходцев по морю – если и зрела в каких-то чиновничьих головах, но реализоваться не могла – до тех пор, пока у России не появился «Доброфлот».

* * *

Пароходное общество «Добровольный флот» создавалось в 1878 году на волне патриотического движения. Благодаря добровольной подписке в июне 1878-го у Гамбургско-Американского пароходного общества удалось приобрести пароходы «Россия», «Москва» и «Петербург», а вскоре еще один – «Нижний Новгород». В 1878-79 годах эти пароходы перевозили русские войска из Варны и Бургаса в Одессу и Севастополь. В 1880 году пароход «Москва» открыл регулярное товаро-пассажирское сообщение между Одессой и портами Дальнего Востока, для чего в Одессе открыли специальную контору.

Из «Морской энциклопедии Одессы»

* * *

Крестьянина тяжело поднять с места. Особенно с места хорошего, веками обрабатываемого его семьей. Властям пришлось искать желающих переселиться в самых бедных губерниях европейской части России. Ведь отмена крепостного права дала крестьянам не только свободу – у многих, как это ни странно звучит, она резко ухудшила материальное положение. Приходилось

выкупать у государства землю, и назначенная за нее цена зачастую многократно превышала реальную – заработать такие суммы не представлялось возможным. И когда 1 июня 1882 года Государственный совет утвердил решение об организации переселения в Южно-Уссурийский край, опрос среди желающих туда отправиться крестьян в первую очередь проводился в Новгородской, Екатеринославской и Черниговской губерниях. Желающие нашлись только в Черниговской.

Переселенцам предоставлялись многочисленные льготы – им отводили в бесплатное пользование участок земли до 100 десятин на каждое семейство, они навсегда освобождались от подушной подати и на 10 лет – от рекрутской повинности; за небольшую плату поселенцы могли дополнительно приобретать землю в частную собственность; в крае была введена беспошлинная торговля (режим порто-франко). Не правда ли, это в чем-то напоминает Одессу?

Но и это не все. В 1882 году было принято решение в течение трех лет отправлять по 250 семей переселенцев за казенный счет, причем каждой семье кроме упомянутых выше льгот полагались безвозвратно: дармовой проезд морем от Одессы во Владивосток; продовольствие на полтора года; 100 рублей на заготовку материалов для жилища; пара голов рабочего скота и корова; ружья и патроны к ним; семена для полевых посевов и огорода и различные предметы хозяйственного обзаведения – от земледельческих орудий до печных приборов и сит для просеивания муки. С 1883 по 1885 годы бесплатно перевезено было 754 семьи (4668 человек), и все они были родом из Черниговской губернии.

Об организации переселения подробно рассказывает второй том «Сборника главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью», который так и называется: «Переселение русских людей в Приамурский край». Издан сборник в Иркутске в 1884 году по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Дмитрия Гавриловича Анучина. В третьем выпуске его рассказывается о «кругосветном переселении в Южно-Уссурийский край и устройстве там 1-й партии переселенцев, отправленной из Одессы в 1883 году». Вот в этой-то партии и прибыли на Дальний Восток мои прапрабабушка и прапрадедушка.

История в письмах, телеграммах и отчетах о кругосветном переселении читается как приключенческий роман, основными героями которого являются ходоки (осенью 1882-го на пароходе «Нижний Новгород» во Владивосток отправились выбранные общинами ходоки, разведчики, которые должны были определить пригодность нового края для проживания и найти места для поселения), сами переселенцы и несколько ключевых фигур, которые, собственно, все организовали: сам генерал-губернатор Анучин, надворный советник Буссе, чья должность так и называлась – заведующий переселением в Южно-Уссурийском крае; военный губернатор Приморской области Баранов и... одесский временный генерал-губернатор Гурко.

Да-да, без Одессы никак не обошлось даже такое, казалось бы, далекое от нее дело, как переселение на Дальний Восток.

* * *

Телеграмма из Иркутска в Одессу, генерал-губернатору, от 13 октября 1882 г.

Все предметы продовольствия и семена для переселенцев первой партии благоволите приказать приобрести в Одессе с тем, чтобы семенной пшеницы выслать половину предположенного количества, заменив другую половину ярицей. Если приобретение ярицы затруднительно, то следует выслать все количество семенной пшеницы.

Подписал: генерал Анучин.

* * *

Именно на плечи генерал-адъютанта, героя русско-турецкой войны 1877-1878 годов Иосифа Владимировича Гурко легла забота не только об организации отправки переселенцев на Дальний Восток, но и о полном снабжении их всем необходимым. А необходимы были не только пшеница и рожь, но также плуги и лопаты, огородные семена и скаты колес, одеяла и белье, одежда и обувь, оборудование для будущих магазинов, медикаменты, посуда и многое, многое другое.

* * *

Генерал-губернатор Восточной Сибири – господину военному губернатору Приморской области.

12 марта 1883 года, г. Иркутск

Из телеграмм моих ваше превосходительство известились, что на добровольцах «Россия» и «Петербург», вышедших из Одессы 4 и 10 марта, отправилась в Южно-Уссурийский край кругосветным путем первая партия переселенцев в составе 1588 человек. Кроме того «Петербург» взял на себя еще 12 ходочков от тех семейств, которые войдут в состав второй партии, имеющей отправиться раннею весною 1884 года.

Таким образом, столь желанное для Южно-Уссурийского края переселение не только уже началось, но и благополучно исполнено из первой его части, вывоз и отправление переселенцев из Одессы.

Подписал: Генерального штаба генерал-лейтенант Д. Анучин.

* * *

О русских первопоселенцах в Приморье написаны многочисленные исследования, статьи, книги. Еще бы – они фактически были пионерами края, именно с них начинались первые русские династии. Точнее, не совсем русские – скорее украинско-белорусские. Тогдашняя Черниговская губерния захватывала часть территории нынешних Украины, Беларуси и России. Фамилии переселенцев красноречиво говорят об их национальной принадлежности: Автушенок, Дорошенок, Кратенок, Буренок, Коноваленок, Герасименок, Приходько, Цыганок, Пономаренок, Савостенок... Ну, и мои прапра – Деменок и Шелупайко.

* * *

Прибывшие переселенцы – уроженцы местности, представляющей переходную полосу между белорусами и малороссами, что и отразилось на составе партии. Преобладание первой народности над второю замечается по внешнему виду, большинство людей малорослые и белокурые.

Из «Отчета заведующего переселением в Южно-Уссурийском крае о прибытии и водворении партии переселенцев 1883 года и положении новых поселений к 1 ноября 1883 года».

* * *

Как же угораздило моих далеких предков стать первопроходцами русского Приморья? Виной всему – их земляк Григорий Голиков, который поехал из села Кожаны, где, собственно, все и жили, в уездный центр Сураж. И надо же было ему встретить государственных «вербовщиков», которые агитировали за переезд на Дальний Восток, причем делали это так умело, что Григорий тут же подписал с ними договор, не задумываясь о реакции жены и детей. Опомившись, он решил, что одному перебираться так далеко – ой как страшно, и пригласил представителей власти к себе в Кожаны – мол, там желающих переехать хоть отбавляй. Он был недалек от истины – если на новой земле каждой семье полагалось сто десятин лучшей земли, то в Кожанах ее было в десять раз меньше, и состояла она сплошь из болот. Плюс бесплатный переезд... В общем, первыми на кардинальную смену судьбы решились братья Аким и Михаил Деменки. Они недавно вернулись с русско-турецкой войны, и не просто вернулись – стали георгиевскими кавалерами; были молоды, активны и легки на подъем. Следом за ними решение приняли Иван Дорошенко и Исаак Кратенок. Ну а потом процесс принял лавинообразный характер. Уже в первый год переселенцев оказалось больше, чем планировалось, а через два года на Дальний Восток крестьяне перебирались уже за свой счет.

Переселенцы были полны оптимизма, в отличие от Ивана Алексеевича Бунина, чей рассказ «На край света» оптимизма отнюдь не навевает... Возможно, побывав наш великий соотечественник на Дальнем Востоке – и тональность рассказа изменилась бы.

Приморье – волшебный край.

* * *

Газета «Владивосток», № 2 от 24 апреля 1883 года

Общества Добровольного флота пароход «Петербург» прибыл на рейд в среду, 20 апреля; в половине третьего пополуд., выйдя из Одессы 10 марта в половине шестого вечера. Пароход привез 810 переселенцев и 4 классных пассажиров: военного врача Мухина, секретаря по переселенческим делам Плеске, купца Баранова и прап. морской артиллерии Берсенева. Плавание было вполне благополучное.

Пароход заходил в следующие порты: Константинополь, порт Саид, Аден, Коломбо (на Цейлоне), Сингапур, Гонг-Конг и Нагасаки. В каждом из этих портов пароход стоял не более суток для приема угля и провизии. В Суэцком канале «Петербург» был три дня, так как впереди стал на мели английский пароход. Переселенцы всю дорогу были здоровы, за исключением двух-трех случаев заболевания желудками. Умер в пути один маленький мальчик, принятый на пароход больным еще в Одессе, ради того чтобы не разлучаться с семьей. Было также пять новорожденных, которые все здоровы. Как и первые, эти переселенцы также из Черниговской губернии. Пароход, кроме того, привез 28 000 пуд. груза, который пойдет на пароходе «Владивосток» в Николаевск для кяхтинского товарищества, Чурину и друг. лицам.

* * *

Сорок суток в непривычной среде и климате, со стариками и маленькими детьми. И тем не менее: «Относительно влияния

13	Буренокъ Егоръ (самъ въ ходокахъ)	—	4	с. Майхинское.
	Евросинья жена его	45		
	Миронъ сынъ Егора	26		
	Анисья жена Мирона	25		
	Семень сынъ ихъ	1		
	Лаврентій сынъ Егора	12		
	Василій	8		
	Романъ	3		
	Евлампи́я	18		
	Евфимія	6		
		—	9	
14	Доминокъ Евфимъ - - -	60	с. Майхинское.	
	Анна его жена -	61		
	Михаилъ сынъ Евфима	30		

Фрагмент списка крестьянских семейств Черниговской губернии, отплывших на пароходе «Петербург»

морской жизни на переселенцев вообще можно сообщить только об отрядных явлениях. Настроение духа во время всего плавания было превосходное и выражалось пением песен, а по праздникам хороводами. Никаких коллективных заявлений неудовольствия со стороны крестьян не было, а все переговоры относительно их нужд велись через старост, самым законным образом», – писал 21 мая 1883 года в своем донесении временному одесскому генерал-губернатору Гурко секретарь Южно-Уссурийского переселенческого управления Э. Плеске, проделавший совместно с переселенцами весь путь.

* * *

**Список семействам крестьян Черниговской губернии,
отправленным в Южно-Уссурийский край
на пароходе «Петербург» 10 марта 1883 года**

№№ по по- рядку	Имена и фамилии	Лета	Число душ	Где поселились
...				
14	Доминок Евфим	60		с. Майхин- ское
	Анна его жена	61		
	Михаил сын Евфима	30		
	Домникия его жена	30		
	Ульяна	4		
	Евдокия их дети	2		
	Игнатий	1/12		
	Аким сын Евфима	27		
	Мария его жена	26		
	Ефим	4		
	Татьяна их дети	1/12		
	Илья сын Евфима	22		
	Агафья его жена	21		
	Устинья их дочь	2		
	Антон сын Евфима	19		
	Ксения дочь	16	16	

* * *

Во Владивостоке переселенцев уже ждали – были построены бараки для временного нахождения, лазарет. Моим повезло – им не пришлось дожидаться, они оказались на выбранном для поселения месте буквально на следующий день.

* * *

«Исключение составили 24 семьи Суражского уезда, сел Кожаны и Яловка, для которых три ходака выбрали окончательное место водворения вблизи устья реки Майхэ. По моей просьбе главный командир портов Восточного океана назначил паровую шхуну «Ермак» для отвоза переселенцев к устью реки, и на другой день прибытия «С.-Петербурга» шхуна встала борт к борту парохода, приняла 185 душ переселенцев и их имущество и, взяв на буксир 3 китайские шаланды, мною зафрахтованные, в тот же день вышла в Уссурийский залив».

Из «Отчета заведующего переселением в Южно-Уссурийском крае о прибытии и водворении партии переселенцев 1883 года и положении новых поселений к 1 ноября 1883 года».

* * *

А дальше – обустроились на новом месте, полюбили его и, конечно же, плодились и размножались. Ефим Деменок, которому на момент переселения было четыре года, женился со временем на Мавре Шелупайко, которой в том легендарном 1883 году было всего два. Самым младшим из их сыновей и стал мой дедушка.

А вот это вот резанувшее глаз написание нашей фамилии – Доминок – сразу вызвало во мне волну сомнений. Неужели права была наша школьная завуч, сделавшая под моей фамилией на доске почета в четвертом, кажется, классе подпись – Доминок? Собственно, мою фамилию в написании не искажает только ленивый – или грамотный – человек. В основном, конечно, на украинский манер, называя Деменюком...

Сомнения мои рассеялись очень быстро – в том же талмуде под названием «Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью» напечатан «Посемейный

список переселенцев 1-й партии по селениям 1-го ноября 1883 года», в котором мой прапрадед указан уже как Деменок Ефим.

В общем, фамилию коверкали уже тогда.

* * *

Судьба сделала свой виток. Дедушка, чьи родители уплыли в «кругосветное» путешествие на Дальний Восток из Одессы, в конце концов в нее вернулся.

Возможно, Михаил и Аким Деменки так быстро решились на переселение, потому что им уже знакомы были морские путешествия – и именно на судах «Доброфлота». Ведь пароходы «Доброфлота» «Россия», «Москва» и «Петербург» перевозили весной 1878 года русских солдат и офицеров из Турции на родину – после окончания победоносной войны и освобождения Болгарии. За эту первую операцию «Добровольный флот» отблагодарил лично император Александр III – своей резолюцией «Спасибо за хорошее начало».

Возможно, с ними вместе плыл в Одессу и герой войны, освободитель Софии и будущий временный одесский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа Иосиф Владимирович Гурко.

Собственно, даже Антон Павлович Чехов возвращался в 1890 году из своей знаменитой поездки на Сахалин не куда-нибудь, а именно в Одессу, и тоже на пароходе «Петербург».

* * *

В конце концов две семьи кадровых военных, попавших в Одессу в разное время и разными путями, встретились. Произошло это январским вечером 1967 года в автобусе сто двадцать пятого маршрута, который ехал тогда с площади Мартьяновского через пятую станцию Большого Фонтана. Папа вез из починки брюки, и кулек, который он держал в руках, постоянно задевал мамину модную прическу а-ля Бабетта. Так и познакомились. Мама училась тогда в университете, папа – в политехе; сразу после института его забрали служить за Полярный круг,

в Североморск, на Северный флот. Туда же вскоре после рождения попал и я – родители морозили меня целых полтора года. Тем временем дедушка Миша уехал работать военным советником в Алжир, и перепад температур между местами службы моих родных достиг небывалых высот. А папа тем временем даже собирался остаться на Севере – друзья, должность, хорошая зарплата...

Как вы думаете – остался?

Бессмысленно задавать вопрос о том, куда ведут все дороги. Ответ очевиден.

